

— Да не то чтобы мы постоянно кости перемываем, — попытался оправдаться Бай Тинби, — так, обмолвимся парой слов при случае. Больше не будем, клянусь.

Ян Е внезапно протянул руку и бесцеремонно ухватил его за аккуратное светлое ушко.

— Даю тебе шанс искупить вину. Я пока шёл сюда, почуял неладное. Атмосфера во дворце какая-то натянутая. Ну-ка выкладывай начистоту: что стряслось прошлой ночью?

— Ой, пощадите, ваше высочество, пощадите! — взмолился Бай Тинби, морщась от боли. — Пустите же, ухо оторвёте! Да я всё скажу, чего тут таить... Даже если промолчу, его величество вам сам наверняка расскажет. Вчера в покоях знатный кавардак случился. Мы с Вэй Линьсянем и остальными ребятами до самой полуночи на ногах стояли, пока всё не утихомирилось. Государь в ярости, на утренний совет ушёл мрачнее тучи. Но я-то не сомневаюсь: стоит ему вас увидеть, как весь гнев сразу улетучится.

Ян Е разжал пальцы.

— Кончай зубы заговаривать. Ближе к делу: что именно произошло?

— Вы ведь знаете, что добродетельная наложница Лэ понесла? — вкрадчиво спросил Сяо Бай.

— Слышал пару дней назад от брата, — кивнул Ян Е. — И что, императрица заставляет её избавиться от дитяти?

Бай Тинби восхищённо покачал головой:

— Ваше высочество зрит в самый корень! Всё в точности так. Моё почтение!

— Ближе к сути, — фыркнул Ян Е. — Не паясничай.

— Слушаюсь, — посерьёзnel тот. — В общем, вчера вечером императрица отправила наложнице Лэ чашу с зельем для выкидыша. Та, понятное дело, пить отказалась, подняла плач. При ней неотлучно находились люди, приставленные самим государем. Они сцепились с посланниками из Среднего дворца и выставили их взащей. Императрица пришла в ярость и лично отправилась наводить порядок. Но наложница Лэ оказалась шустрее: хоть наложницам и запрещено покидать свои покои по ночам, её вывели доверенные люди императора. Она прибежала напрямик в личные покои его величества. Мы с ребятами её встретили, доложили императору, а тут и её величество подоспела — явилась требовать беглянку. Ну и началось... Разразился страшный скандал. Мы стояли на страже снаружи, так что до нас долетали лишь обрывки фраз. Императрица кричала, обзывала государя вероломным и подлым подлецом, да и вообще не стеснялась в выражениях — мне даже пересказывать такое не с руки. А его величество молчал, просто стоял и слушал. Бранились они до глубокой ночи, пока императрица не выбилась из сил. После этого все разошлись. Вот и вся история.

Ян Е презрительно усмехнулся:

— Вероломный? Подлец? Да она сама как собака на сене: и сама родить не может, и другим не даёт! Чего ей ещё надо?

— Подобные вольности только вам и прощаются, ваше высочество, — хмыкнул Бай Тинби. — Государь бы до такой площадной брани не опустился, не подобает императорскому величию. Хотя звучит, надо признать, чертовски метко и справедливо.

Ян Е уже замахнулся, чтобы снова ухватить болтуна за ухо, но краем глаза заметил в окно, как по внешней галерее спешно семенит вереница евнухов. Стало ясно: утренний совет окончен, и Ян Си возвращается в императорский кабинет.

Когда император переступил порог кабинета, лицо его и впрямь было темнее грозовой тучи. Даже появление Ян Е не заставило его смягчиться. Пройдя к драконьему престолу, государь молча опустился в кресло и небрежным взмахом рукава отослал слуг. Бай Тинби поспешил тихо выскользнуть за дверь вместе со всеми. В кабинете остались только братья.

Ян Си тяжело, со свистом вздохнул.

— Брат, ты всё ещё из-за вчерашнего сокрушаешься? — негромко спросил Ян Е. — Да плюнь ты на неё. Посмотрим, что она предпримет дальше.

— Ты прав, её капризы меня мало волнуют, — отозвался Ян Си.

Он достал из широкого рукава свиток и крутил его в руках, собираясь развернуть, но в итоге лишь крепче сжал пальцы. После долгого, тягостного молчания он наконец заговорил:

— Это донесение от Юньци из Юэчжоу. Я ведь велел ему возвращаться в столицу, а он... заявляет, что не хочет. Просит позволения остаться в Цюннани насовсем, да ещё и требует, чтобы ему прислали Сяо Мэй с сыном Нинсином. Ты только погляди на него — он просто не желает возвращаться.

Ян Е покосился на брата, ловя малейшие изменения в его лице, и осторожно заметил:

— Ну, воссоединение семьи — дело хорошее.

Ян Си с силой швырнул свиток на драконий стол:

— Хорошее, говоришь? Да он просто видеть меня не хочет! И это единственная причина, по которой он торчит на юге. Что скажешь, Сяо Лан?

У Ян Е невольно дёрнулся уголок губы. При всей своей изворотливости и остроумии, сейчас он совершенно растерялся и предпочёл промолчать.

— Решил известить меня, — мрачно усмехнулся Ян Си. — Специально это делает, подлец.

Ян Е не выдержал и мягко возразил:

— Полно тебе, брат. С чего бы Юньци делать это назло? Может, ему и впрямь приглянулась Цюннань, вот и решил осесть там. К тому же, когда я навещал его в Чэньчжоу, он горел идеей наладить морские торговые пути, чтобы пополнить казну. Он ведь о благе государства печётся, от чистого сердца. Почему бы не пойти ему навстречу и не разрешить остаться?

— Про торговлю он и сам горазд писать, — хмыкнул император, кривя губы в холодной усмешке. — Да только что он в этом смыслит? Воин до мозга костей, а лезет не в своё дело. Для этого я отправлю на юг толковых чиновников, пусть не забивает себе голову.

— Или ты перестал доверять Юньци? — вкрадчиво поинтересовался Ян Е, внимательно следя за реакцией брата. — Если так, я готов лично поручиться за него головой. Он предан тебе без остатка, можешь не сомневаться.

Ян Си снова вздохнул, роняя голову на руку. Широкий шёлковый рукав скрыл половину его лица, а вместе с ней — мимолётную, щемящую тоску в глазах.

— Дело не в доверии... — едва слышно прошептал он. — Я хотел вернуть его, потому что Центральная императорская гвардия осталась без командира... Да и вообще... никто больше не хочет быть со мной рядом...

Голос его звучал так неприкаянно и тоскливо, что Ян Е, выросший под его крылом, сразу всё понял. Он неловко почесал затылок и пробормотал:

— Ну, раз так... поступай, как знаешь, брат. Напиши ещё один указ, вели ему немедленно явиться в столицу, да и дело с концом.

В кабинете Ян Е сдерживал себя из почтения, но стоило ему переступить порог и оказаться на свежем воздухе, как он впервые в жизни мысленно обругал старшего брата.

«Раз уж так сильно соскучился, так и скажи прямо! К чему эти дурацкие недомолвки и обиды?»

На следующий же день Ян Си издал повторный указ, предписывающий Бэйчэнь Цину немедленно сняться с места и скакать в столицу. Более того, император отправил Вэй Линьсяня в генеральское поместье, дабы тот сопровождал в императорский дворец Цэнь Умэй вместе с маленьким Нинсином. Предлогом послужило то, что её величество в последнее время

пребывает в глубокой хандре, и младшей сестре подобает скрасить её одиночество.

Ничего не подозревающая Цэнь Умэй послушно забрала сына и уехала во дворец. Но императорская обитель — что бездонный океан: войти туда легко, а выбраться непросто. Когда изнурённый дорогой Бэйчэнь Цин наконец добрался до столицы, в родном поместье его ждали лишь пустые залы.

Ян Е, которому поручили встретить вернувшегося воина, и сам в глубине души сочувствовал ему, понимая, что брат поступил бесчестно. Но вслух он мог лишь развести руками:

— Твою супругу и Нинсиня император забрал во дворец. Передал, что если хочешь увидеть сына, то забирай его сам. По-хорошему, мне следовало бы проводить тебя, но, видит бог, лучше тебе пойти одному. Да и во дворце сейчас сам чёрт ногу сломит, а императрица меня на дух не переносит. Не горю желанием лишний раз попадаться ей на глаза.

Несчастный Бэйчэнь Цин ещё ни разу в жизни не видел собственного сына. Всю дорогу до столицы он только и думал о долгожданной встрече, а теперь стоял посреди огромного, вымершего дома, заботливо оставленного ему государем. На душе скребли кошки. Ему не хотелось идти во дворец, не хотелось представлять пред ясные очи государя. Отослав слуг, он заперся в пустых покоях и до самой ночи просидел на краю постели, бесцельно вертя в руках игрушечный барабанчик, оставленный маленьким Нинсином.

Проведя в таком оцепенении сутки, он понял, что вечно прятаться не удастся. Собрав волю в кулак, Бэйчэнь Цин отправился во дворец.

Войдя через боковые ворота, он намеревался сразу направиться к императорскому кабинету, но в одном из глухих переходов дорогу ему преградил доверенный слуга императрицы Цэнь. Евнух поклонился и заговорщически прошептал, что у её величества есть дело чрезвычайной важности и она просит генерала незамедлительно прибыть в её покои.

Бэйчэнь Цин недовольно нахмурился:

— Мой тайный визит в личные покои императрицы нарушает все правила приличия. Если у её величества есть ко мне поручение, пусть направит официальный указ, и я исполню его со всем усердием.

— Дело не терпит отлагательств, — настаивал слуга. — Её величество велела передать, что разговор должен состояться с глазу на глаз. Не беспокойтесь, покои младшей уездной принцессы Цэнь примыкают к главному дворцу, и сейчас она находится там. Вы просто идёте навестить жену и сына, а заодно засвидетельствовать почтение старшей сестре. Никто и слова дурного не скажет.

Делать было нечего. Повинуясь необходимости, Бэйчэнь Цин последовал за проводником по заброшенным садовым тропинкам. Его привели в уединённый придел позади главного зала

Среднего дворца. За ширмой, на возвышении, его уже ждала императрица Цэнь Вэньцзян.

Соблюдая церемониал, Бэйчэнь Цин совершил земной поклон и лишь затем осмелился взглянуть на свояченицу. Увиденное заставило его внутренне содрогнуться.

Цэнь Вэньцзян предстала перед ним в роскошном синем шёлке с вышитыми фениксами. Высокая причёска была искусно заколота золотыми шпильками, гордая осанка и изящные жесты выдавали в ней благородную кровь. Она по-прежнему была ослепительно красива, но на бледном лице сквозь румяна проступала глубокая, вьёвшаяся в кожу тоска.

«Прежде Старшая уездная принцесса Цэнь славилась своей решительностью и острым, как лезвие, взглядом, — подумал Бэйчэнь Цин, — но сейчас она выглядит совершенно опустошённой. Видимо, слухи не врут: согласия между супругами нет и в помине».

Цэнь Вэньцзян плавно опустила на столик чашку из зелёного фарфора и слабо улыбнулась:

— Поднимись. Признаться, я сомневалась, что ты придёшь. Садись.

— Повиноваться вашему слову — мой долг, — ответил воин, выпрямляясь, и по знаку слуги опустился на стул по правую руку от неё.

Лицо государыни на миг окаменело, а затем она горько усмехнулась:

— Брось ты это «ваше величество». Грош цена этому титулу! Я просто попалась на его удочку, дура... Не зови меня так больше. Называй сестрой, как Сяо Мэй. От этого слова «императрица» меня уже с души воротит.

— Слушаюсь. Позвольте мне называть вас сестрой, когда рядом нет лишних ушей.

Она кивнула и завела неторопливый расспрос о делах на южной границе, о битвах с мятежниками и обычаях Цюннани. Бэйчэнь Цин отвечал сдержанно и вежливо, а в конце добавил:

— Я привёз с юга немного местных диковинок в подарок. Если бы знал, что встречу с вами сегодня, непременно захватил бы с собой. Позвольте преподнести их позже.

— Спасибо за заботу. Мы ведь одна семья, к чему эти условности? — мягко промолвила Цэнь Вэньцзян и как бы невзначай перевела разговор в иное русло: — Ты вернулся в столицу, но Центральная императорская гвардия по-прежнему подчиняется тебе?

— Так точно. Отправляясь в поход, я забрал с собой лишь часть воинов, большинство из которых так и остались нести службу на рубежах. Оставшиеся же здесь полки по-прежнему

под моим началом.

Выслушав его, императрица задумчиво постучала тонкими пальцами по лакированному дереву стола. Устремив взгляд в окно, она негромко произнесла:

— Признаюсь, мне было несладко в последнее время, оттого я и позвала сестру с племянником. Твой обожаемый государь... он ведь когда-то клялся мне, что ни одна женщина в гареме не родит от него дитя. И что теперь? Добродетельная наложница Лэ носит под сердцем его плод. Я лишь следовала законам предков, требуя избавить её от ублюдка, но император спрятал её в собственных покоях под охраной. У него повсюду шпионы и верные псы, а я — лишь слабая женщина, оторванная от родного дома. Меня растоптали, унизили, лишили всякой опоры, и мне даже не к кому обратиться за помощью.

Она медленно повернула голову. Её влажный, лихорадочно блестящий взор остановился на Бэйчэнь Цине.

— Юньци... ты ведь pomoжешь мне?

Сердце воина пропустило удар. Лихорадочно взвешивая каждое слово, он почтительно склонил голову:

— Дела внутреннего двора не касаются военных. Смиренно прошу пощадить меня и не вовлекать в семейные раздоры.

— Это уже давно вышло за пределы гарема, — отрезала Цэнь Вэньцзян. — Буду говорить открыто: я хочу, чтобы ты с помощью подвластной тебе Центральной императорской гвардии посадил на престол Аньбяня. Если сомневаешься в успехе, я напишу отцу в Чанъань — его войска поддержат нас с запада.

Она произнесла эти страшные слова с такой лёгкостью, словно речь шла о покупке шёлка, даже не заметив, как смертельно побледнел её собеседник.

— Наш государь дряхлеет на глазах, — продолжала она с притворной жалостью. — Едва перешагнул зрелость, а голова уже вся седая. Пора бы ему на покой. В конце концов, эту империю он забрал силой, пролив немало крови, так что о законности престолонаследия говорить смешно. Пора вернуть долг.

Бэйчэнь Цин медленно, опираясь на подлокотники кресла, поднялся во весь рост. Голос его звучал глухо, но твёрдо:

— Прошу прощения у вашей милости, но я не могу исполнить этот приказ.

Цэнь Вэньцзян вскинула брови:

— Это ещё почему? Струсил перед ним? Не бойся. Тебе ли не знать, как этот выскочка заполучил корону? Мой отец дал ему армию, золото и власть! И если мы смогли возвысить его тогда, то с лёгкостью втопчем в грязь сейчас. В те годы он брал у нас всё, не морщась. Отец заставил меня выйти за него замуж, я ради этого союза убила собственного жениха, отреклась от прошлого, чтобы разделить с ним престол и править империей! Я терпела лишения, родила ему наследника, а он отплатил мне чёрной неблагодарностью!

В её глазах блеснули слёзы, а на лице проступило выражение дикого, отчаянного безумия. Бэйчэнь Цин поспешил отвести взгляд.

— Успокойтесь, прошу вас, — негромко произнёс он. — В супружестве не обходится без размолвок, вам обоим нужно лишь проявить терпение. Но подобные замыслы... я всего лишь скромный слуга и не смею вмешиваться в дела правящей династии. Моё единственное желание — забрать жену и сына и покинуть дворец.

Взгляд императрицы мгновенно заледенел:

— Значит, ты отказываешь мне в помощи?

— Будь то любая другая просьба, я бы не пожалел жизни, — твёрдо ответил Бэйчэнь Цин. — Но в этом вопросе я непреклонен. С малых лет я был рабом в доме государя. Он даровал мне свободу, возвысил и сделал тем, кто я есть сегодня. Мой долг перед ним неоплатен, и даже если мне придётся сложить голову, я никогда не запятнаю себя предательством. Вы обратились не к тому человеку.

Цэнь Вэньцзян долго молча буравила его взглядом, а затем разразилась безумным смехом. Этот чистый, серебристый смех в тишине придела показался Бэйчэнь Цину жутким воем злого духа. Он невольно вздрогнул и отступил на шаг.

Императрица медленно придвинулась ближе. Ещё мгновение назад она казалась хрупкой и несчастной жертвой, но теперь перед ним стояла безжалостная и грозная владычица.

— Разумеется, я знаю, что ты его верный пёс, — прошипела она, заглядывая ему в глаза. — Но до меня дошли и другие слухи... Ты ведь для него не просто бывший раб, верно?

<http://bllate.org/book/19546/1998885>